

Глава 15

Ломтики рыбы в остром соусе

«Третья встреча — это судьба. Теперь ты точно будешь моим псом»

Ань Сынянь едва заметно повёл пальцами, и трава у лап маленького воришки пустилась в буйный рост. В одно мгновение гибкие стебли оплели конечности пса, лишая его возможности сдвинуться с места.

Маленький разбойник лишь испуганно вякнул и повалился на живот, глядя на Сыняня глазами, полными шока и немой мольбы о пощаде.

Юноша сделал два шага вперёд, присел перед бродяжкой и, бесцеремонно ухватив его за загривок, поднял на уровень глаз.

— Раз ты такой пройдоха, будешь зваться Чэньпи.

До ужина ещё оставалось время, и Хозяин Ань решил, что первым делом нужно привести это зачумлённое существо в божеский вид.

Поднявшись на второй этаж с замершим в руках псом, он столкнулся со своим первым постояльцем. Тот как раз спускался вниз, сжимая в руке новый термос — точную копию того, что был в обед. Сынянь, впрочем, знал: этот сосуд чист, в то время как первый всё ещё стоял в дезинфекционном шкафу на кухне.

«Неужели и на ужин у него будет та же жижа?»

Когда они поравнялись на лестнице, Сынянь всё же не выдержал:

— На ужин будет запечённый в печи цыплёнок... Хотите попробовать?

Маленький грязнуля в его руках, почуяв какой-то неприятный запах, оскалил зубы и угрожающе заурчал. Лапы пса судорожно заскребли по воздуху. Юноша слегка встряхнул его, призывая к порядку, отчего рычание мгновенно сменилось жалобным «инь-инь».

Янь Чжэнь помедлил несколько секунд, прежде чем глухо ответить:

— Нет нужды.

— Вот как.

Хозяин Ань не стал настаивать и продолжил подъём, но не успел он сделать и нескольких шагов, как гость, оставшийся на площадке, окликнул его:

— А можно... выделить небольшую порцию для Доучжира? Он очень любит курицу.

— Для Доучжира?

Сынянь выглянул из-за перил и тут же сообразил: это, скорее всего, имя того самого чёрного кота. Доучжир — название знаменитой пекинской закуски, ферментированного напитка из бобов мунг.

Напиток этот был легендарным: говорили, что он карает любого самоуверенного чужака, рискнувшего его отведать. В тот год, когда Ань Сыняня только заманили в шоу-бизнес, он провёл некоторое время в столице и из любопытства купил стаканчик этой серо-зелёной жижи. От одного глотка он едва не отправился на тот свет; тогда ему показалось, что он дегустирует нечто, добытое из самых тёмных глубин городской канализации...

Даже при всей своей любви к еде, юноша так и не смог примириться с тем кислым, протухшим вкусом. Однако старые неприязненные воспоминания не стоило переносить на невинное животное. Он кивнул:

— Хорошо, я оставляю для него немного.

Вернувшись на третий этаж, Сынянь зашёл в ванную. Стоило ему шевельнуть пальцами, как зелёные лозы надёжно спеленали пса и опустили его в раковину.

Настроив температуру воды, он убрал путы. Одной рукой он крепко держал подопечного за шиворот, а другой орудовал душем и шампунем. Вода в раковине сменялась с иссиня-чёрной на серую, пока наконец не стала совершенно прозрачной.

Завершил процедуру фен. Всего через несколько минут перед ним предстал пепельно-серый кудрявый той-пудель.

Присмотревшись, Сынянь заметил, что только мордочка и кончики лап у пса были белыми, остальное тело покрывали густые серые завитки. Круглые чёрные глаза, аккуратный кожаный носик и вечно высунутый розовый язык делали его на редкость симпатичным. Трудно было представить, как такой красавец оказался на улице.

Отложив фен, юноша сформировал на ладони крохотную, размером с горошину, жемчужину духовной энергии и поднёс её к мордочке пса.

— Чэньпи. Теперь тебя зовут Чэньпи. Видишь, как хорошо быть чистым? Отныне о еде и крове можешь не беспокоиться, я всё устрою. Но воровать у людей больше нельзя, понял?

Понял пёс или нет — осталось загадкой, но поднесённую сферу он слизнул мгновенно. Едва «горошина» провалилась в желудок, шерсть пуделя встала дыбом, он издал короткий рык, а в следующее мгновение просто рухнул на бок и захрапел.

Это была защитная реакция организма: от переизбытка энергии тело ушло в глубокий сон для усвоения полученного дара.

Сынянь перенёс питомца на диван, ласково потрепал по голове и, заперев дверь, спустился вниз.

На заднем дворе у печи уже собралась компания: Фэн Лэлэ и Цзэн Кай предвкушали ужин, а в стороне стоял Офицер Янь, медленно потягивая свою жёлтую смесь.

Аромат готового цыплёнка был поистине деспотичным. Воздух пропитался запахом специй и запечённого мяса. Хозяин Ань с помощью больших щипцов выудил из печи два дымящихся свертка. Стоило ему только коснуться их, как у всех присутствующих непроизвольно потекли слюнки. Шесть глаз впились в фольгу с таким неистовым вожделением, будто от этого зависела их жизнь.

В тот вечер ужин больше напоминал поле боя.

Главными агрессорами выступили Фэн Лэлэ и Цзэн Кай. Как только фольга и лotosовые листья были развёрнуты, они, игнорируя обжигающий жар, вцепились в птицу руками. Жалобно вскрикивая «ой, горячо!», они отправляли в рот кусок за куском, даже не успевая прожевать предыдущий. Сынянь, опасаясь, что останется ни с чем, поспешно вскрыл второй сверток и первым делом обеспечил себе сочную ножку.

Не успел он насладиться первым укусом, как сбоку возникла небольшая тарелка. Янь Чжэнь молчал, лишь выразительно покачивал своим блюдцем.

Сынянь, не выпуская ножки, палочками отделил пару кусков грудки и положил гостю.

Тарелка снова качнулась.

Он добавил ещё один кусок.

Снова движение...

«Да что же это такое, — мысленно возмутился Сынянь. — Людям самим едва хватает, сколько

может съесть этот чёртов кот?»

С явной неохотой он отделил ещё одну полоску мяса толщиной с мизинец и в упор посмотрел на Янь Чжэня. В его взгляде читалось чёткое «Стоп».

Гость, казалось, любил хмуриться — между его бровей уже пролегли тонкие складки, которые в сочетании с узким разрезом глаз придавали лицу суровое, почти хищное выражение.

Почувствовал ли он немой приказ или просто решил, что порция достаточна, но Янь Чжэнь наконец опустил тарелку.

— Спасибо, — прохрипел он и, развернувшись, ушёл наверх кормить кота.

Сынянь только хотел вернуться к трапезе, как...

— Эй! Вы что творите?!

От второго цыплёнка на столе остался лишь жалкий остов!

Он немедленно включился в битву, и его палочки замелькали с такой скоростью, что за ними невозможно было уследить.

Когда кулинарное сражение подошло к концу, Сынянь нарезал арбуз и вынес блюдо на задний двор. Все трое буквально растеклись по шезлонгам, пытаясь переварить съеденное.

На склоне горы температура была чуть ниже, чем в душном городе, и прохладный вечерний воздух приятно охлаждал кожу. Окружающие растения были увешаны гирляндами, которые теперь мягко мерцали в сумерках. Под аккомпанемент летнего хора лягушек и лёгкий морской бриз навалилась такая истома, что лень было шевелить даже пальцем.

Впрочем, пальцы Фэн Лэлэ всё ещё были в движении — она лениво листала ленту в телефоне. Внезапно девушка прыснула:

— Эй, Сяо Ань, ты видел в группе фото Директора Ли? Мать честная, он тоже зазеленел! Неужели это тренд такой в этом сезоне — прорасти травой?

— В какой группе? Я почти из всех рабочих чатов вышел.

— В нашем, где мы обеды обсуждаем, — ответила Лэлэ и протянула ему телефон.

На снимке, сделанном где-то на пляже, был запечатлён тот самый Директор Ли. Из-под его

плавок в сине-белый цветочек буйно пробивались ярко-зелёные ростки, которые уже невозможно было скрыть.

Сынянь бросил мимолётный взгляд и отвернулся — зрелище было не из приятных.

Зато Цзэн Кай перехватил телефон и с интересом увеличил картинку:

— Ого... Это у него откуда лезет — спереди или сзади? Чертовщина какая-то. Может, грибок подхватил?

— Чёрт его знает, — отмахнулась девушка, но её взгляд вдруг замер на Сыняне.

Она пристально наблюдала за ним несколько минут, отчего Ань Сыняню стало не по себе. Он покосился на её жениха: мол, нормально ли, что твоя невеста так дырявит глазами другого парня?

— Ты чего? — не выдержал он.

Фэн Лэлэ понизила голос:

— Слушай, признавайся... Это ведь ты устроил? Сначала Старина Нью, теперь этот ирод Ли...

Разумеется, это была работа Сыняня. С семенами Начальника Нью он немного схитрил, используя технику «Увядания и Процветания», чтобы ускорить процесс. А этот Директор Ли сегодня отправился на пляж: влажность и тепло сделали своё дело, и напитанные водой семена мгновенно пустили корни. А то, что они так стремительно выросли — результат небольшого вмешательства Сыняня ещё на стадии подготовки семян.

Но вслух он, конечно же, ничего не признал:

— С чего ты взяла? Этот Ли сейчас бог весть где, я его после увольнения в глаза не видел.

— Интуиция, парень, интуиция... — Фэн Лэлэ задумчиво потерла подбородок, не спеша снимать обвинения. — Просто ты слишком резко изменился. В тебе... аура какая-то другая стала. Раньше, когда на тебя смотрела, думала: «О, симпатичный парень». А сейчас? «Твою мать, он вообще человек?!» Вот примерно такой уровень перемен.

— ...

Сынянь беспомощно посмотрел на Цзэн Кая. Тот, хоть они и говорили тихо, явно всё слышал. Вернув телефон невесте, юноша усмехнулся:

— Глупости. Сяо Ань ведь в айдолах ходил, разве его внешность нуждается в похвалах? — Однако любопытство взяло верх, и он спросил: — Кстати, звёздам ведь кучу денег платят. У тебя был такой шанс, почему не стал продолжать?

Почему не стал? Рассказывать об этом было долго — тогда на него навалилось слишком много проблем сразу.

Ань Сынянь ответил кратко:

— Случилось много неприятного. Меня обманули, заманили в Южную Азию, едва в рабство не продали в один из тех «промышленных парков». Понял, что эта индустрия мне не подходит.

— Да ладно?! И как ты выбрался? Ты никогда не рассказывал... — тут же встрепенулась Лэлэ.

— Просто сбежал по дороге. Ничего особенного.

Сынянь и сам до конца не понимал, как всё произошло. Сначала его заманили в какую-то липовую съёмочную группу, обещали выезд на природу за границу. А потом, когда его уже связали, кто-то внезапно вышвырнул его из фургона прямо посреди дороги.

Может, похитители повздорили? Или случилось что-то, заставившее их бросить добычу?

Он не знал...

Ему завязали глаза, он ничего не видел и не понимал их наречия. Помнил только одно — у человека, вытолкнувшего его из машины, был удивительно глубокий, бархатистый голос. С таким голосом можно было стать великим певцом или актёром озвучивания, а он подался в бандиты... Сынянь тогда проникся к нему глубочайшим презрением.

Но, как бы там ни было, тот человек подарил ему свободу и жизнь. Если им когда-нибудь суждено будет встретиться вновь, Ань Сынянь, теперь уже как практик, нашёл бы сотню способов отблагодарить своего спасителя.

При этой мысли юноша едва заметно щелкнул пальцами. Две тонкие нити духовной энергии сорвались с его рук и бесследно вошли в кожу его друзей.

Словно камни, брошенные в бездонное озеро, эти искры энергии дважды пронзили тела Лэлэ и Цзэн Кая, не встретив ни малейшего отклика. Они вышли наружу в тех же местах, где вошли, и мгновенно рассеялись в воздухе.

«Ясно. У них нет даже слабейшего духовного корня. Путь совершенствования для них закрыт»

Цзэн Кай внезапно издал протяжную, сытую отрыжку.

— Ох... Хорошо. А то думал — лопну прямо за столом.

Фэн Лэлэ поддакнула:

— И не говори... Ветерок подул, и в желудке сразу легче стало.

Сынянь лишь слегка улыбнулся.

Откуда здесь взяться ветру? Это духовная энергия, пройдя через их тела, очистила сосуды и сняла тяжесть. Раз уж таланта к магии у них не нашлось, пусть этот заряд бодрости станет его маленьким подарком за их дружбу.

— Сяо Ань, забронируй мне на следующую неделю две комнаты, — сказал Цзэн Кай. — Один мой приятель клятвенно обещал приехать, чтобы отведать твоих блюд. И мать моя приедет, Лэлэ её развлечёт.

Не успел он закончить фразу, как сзади раздалось негромкое:

— Господин Ань...

Троица обернулась. К ним подошёл Янь Чжэнь, бережно прижимая к себе чёрного кота.

Фэн Лэлэ, как истинный экстраверт, тут же приветливо махнула рукой:

— О, котика выгуливаете? Какой он у вас смиренный, сидит и не шелохнётся.

— ...Он не может двигаться. Ему семнадцать лет. Он умирает.

Семнадцать лет для кота — возраст почтенный, глубокая старость, и апатия в такие годы понятна, но форма, в которой хозяин об этом сказал...

К тому же, был ли виной тому его надорванный голос или врождённая холодность, но фраза прозвучала пугающе безэмоционально. Девушка лишь неловко кашлянула, потеряв всякое желание продолжать светскую беседу.

Гость подошёл вплотную к шезлонгам. Сынянь приподнялся, видя, как тот опустил глаза и принялся медленно поглаживать кошачью шерсть.

— Я хочу продлить аренду ещё на три дня.

— Конечно, без проблем. Рад слышать... Оплата без питания, верно?

— Нет. Теперь с питанием. Включите еду в счёт.

«Надо же, одумался?»

Как-никак, это был его первый настоящий клиент, и юноша вежливо уточнил:

— Прекрасно. Что бы вы хотели заказать на завтра?

Янь Чжэнь поднял на него взгляд своих глубоких тёмных глаз. В них читалось нечто странное, не поддающееся описанию.

— Есть буду не я, а Доучжир... Приготовь рыбу.

— ...

Полторы тысячи юаней в день за кошачий корм?

Это не кот, это настоящий пушистый аристократ.

Фэн Лэлэ и Цзэн Кай обменялись красноречивыми взглядами. Им в этот момент нестерпимо захотелось объявить войну всем богатеям мира.

Сам Сынянь тоже на мгновение лишился дара речи, но, раз уж вопрос был задан, он лишь профессионально улыбнулся:

— Хорошо. Тогда... может, ломтики рыбы в остром соусе?

Тем временем в своей комнате Янь Чжэнь поставил блюдо с цыплёнком перед котом. Аромат мяса заполнил всё пространство.

— Запах у этой курицы какой-то странный, — пробормотал он, глядя на Доучжира. — Дай-ка я сначала проверю её на «яд».

Кот лишь тихо мякнул в ответ.

Янь Чжэнь съел почти всё сам и с серьёзным видом добавил:

— Образец слишком мал, чтобы выявить проблему. Тебе всё-таки лучше поесть свой привычный корм.

Доучжир лишь укоризненно посмотрел на своего хозяина.

<http://bllate.org/book/15856/1441071>